

Глава 16

— Управляющий, вы звали меня по какому-то делу? — Фан Цзычэнь недоуменно перевёл взгляд с начальника на счетовода.

Старина У тоже во все глаза разглядывал юношу.

— Ты в счёте силён?

Цзычэнь промолчал. Надежда, только-только затеплившаяся в душе счетовода, начала стремительно угасать.

Лицо Фана тем временем исказилось, словно он отведал прокисшей каши.

«Ты что, издеваешься надо мной?»

Для человека с техническим складом ума, посвятившего учёбе тринадцать лет, вопрос «умеешь ли ты считать» звучал примерно так же осмысленно, как «зачем тебе два глаза и один рот». Чистой воды нелепица.

За полмесяца жизни в городке Цзычэнь успел уяснить, что местная письменность мало чем отличается от той, что он знал в своём времени, разве что иероглифы здесь были сложнее. Если бы речь шла о гадательных костях, лишу или скорописи, он бы не решился давать пустых обещаний, но в остальном вопрос управляющего был просто смехотворен.

Юноша уверенно кивнул:

— Силён.

Глаза счетовода тут же блеснули, а на сердце снова стало жарко.

— Полно тебе, парень. Не вздумай водить нас за нос.

— И зачем мне это? — Фан пренебрежительно фыркнул. — Я с трёх лет за книгами. Математика для меня — детская забава. Не хвастовства ради скажу: обычные расчёты я и с закрытыми глазами сделаю.

Собеседники невольно переглянулись.

«Ого, ну и гонор»

Управляющий тут же протянул ему лежавшую на столе книгу:

— Ну-ка глянь. Разберёшься, что здесь написано?

Цзычэнь почувствовал, что его профессиональную гордость ущемляют. Счетовод и его начальник заворожено наблюдали, как он перелистывает страницы — взгляд юноши едва задерживался на строчках, а пальцы мелькали с невероятной скоростью. Не прошло и времени, за которое сгорает половина благовонной палочки, как тетрадь толщиной в палец была изучена до конца.

Видя, что парень нахмурился, Старина У вновь пал духом, решив, что задача оказалась непосильной.

Однако юноша лишь брезгливо поморщился:

— И кто только вёл эти записи? Мало того, что всё в кучу свалено, так ещё и ошибок тьма.

Управляющий изумился:

— Ты и впрямь всё понял? И за такой короткий срок успел найти неточности?

Цзычэнь раскрыл книгу на середине и ткнул пальцем в одну из сумм:

— Вот, смотрите сами. С утра поступило четыреста пятьдесят лянов. На оплату товара, перевозку и работу грузчиков ушло сто двадцать. Обе цифры — круглые. Остаток за позавчера — тоже. Так почему в итоговой сумме у вас значится восемьсот девяносто три ляна и восемьдесят девять медных монет? Откуда взялись эти несчастные монеты? Ошибка же вопиющая, её с первого взгляда видно.

Старина У лишился дара речи. Начальник судна бросил на счетовода многозначительный взгляд и обратился к Фану:

— Сможешь перепроверить для меня обе эти книги?

Цзычэнь замялся, изображая нерешительность.

— Сегодня можешь не таскать тюки, — тут же добавил управляющий. — Если приведёшь счета в порядок, я заплачу тебе два ляна серебром. По ляну за каждую книгу. Что скажешь?

Юноша расслабленно сплёл пальцы:

— Разве можно мерить дружбу деньгами?

— Три ляна, — отрезал управляющий.

Лицо Цзычэня мгновенно стало серьёзным:

— Серебро тут вовсе ни при чём. Я просто искренне хочу вам помочь. Но раз уж вы так настаиваете на вознаграждении, мне будет неловко отказывать.

Старейшины лишь обменялись красноречивыми взглядами.

Счетовод, воспрянув духом, начал возбужденно потирать ладони:

— Послушай, паренёк, а сколько времени тебе понадобится? Двух дней хватит?

— Считаете меня за свинью? Думаете, мне нужно два дня на такую ерунду? — Цзычэнь посмотрел на него как на умалишённого.

— Тогда...

— До конца дня управлюсь, — бросил юноша.

Управляющему такое заявление показалось чрезмерно самонадеянным:

— Гляди, не ошибись!

— Ошибки исключены, — отрезал Фан. — Это как спросить меня, сколько будет один плюс один. Я даже в полусне не выдам вам тройку.

Успокоившись, управляющий и Старина У вышли из каюты, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы шум снаружи не отвлекал работника.

Вскоре небо раскололи раскаты грома, и хлынул ливень. За те полмесяца, что Фан провёл здесь, это был первый настоящий дождь. Тучи, собиравшиеся долгое время, разродились яростным и стремительным потоком. Капли, словно ледяная дробь, с грохотом барабанили по палубе. Цзычэнь, хоть и сидел взаперти, по одному звуку понимал, какое безумие творится снаружи.

Видимо, по приказу управляющего вначале за дверью было тихо, и юноша быстро погрузился в работу. Но спустя время снаружи поднялся шум, который не мог заглушить даже рёв воды. Голоса доносились смутно, обрывочно.

Над рекой висело серое марево; из-за стены дождя ничего не было видно уже в паре шагов. Несколько работяг, отдохавших на судне, вдруг повскакивали со своих мест. Один из них указал на берег:

— Гляньте-ка! Там кто-то стоит?

Все тут же прильнули к борту. Сквозь плотную завесу ливня на пристани и впрямь виднелся человеческий силуэт.

— Кто это может быть? — спросил кто-то. — Наши все на борту?

Один из мужиков быстро пересчитал товарищей: кроме Фан Цзычэня, все были на месте. К тому же фигура на берегу казалась слишком хрупкой и тонкой для грузчика.

— Что за чудак? В такой ливень — и даже не думает прятаться.

— И не говори. Продует же до костей, потом на лекаря кучу денег изведёт.

— Да почему он замер-то? — крепкий малый почесал в затылке. — Мне кажется, он прямо на нас смотрит, глаз не сводит.

От этих слов по спинам мужчин пробежал холодок. В сумерках и под грохот бури такая сцена казалась зловещей.

— Да как ты лицо-то разглядел в такую темень?

— Лица не вижу, — буркнул мужчина. — Но нутром чувствую.

Человек стоял неподвижно под потоками воды, одинокий и жалкий. Кто-то крикнул в глубь судна:

— Эй! Подойдите-ка сюда, может, узнаете, кто там ошивается?

Из кают высунулось ещё несколько голов.

— Не разобрать.

— По статьям вроде на гэра похож.

Услышав это, один из грузчиков хлопнул себя по лбу:

— А не парень ли это Цзычэнь? Помните, он как-то раз приходил сюда?

— Слушай, а ведь и впрямь похож.

— Неужто его ищет? В такую-то погоду... Может, дома стряслось чего?

— Не гадайте, пойду позову его.

Цзычэнь вытащили из каюты под дождливое небо; он поначалу даже не понял, чего от него хотят, но когда разглядел фигуру в пелене дождя, глаза его едва не вылезли из орбит.

— Чжао-гэр!

Он сорвался с места и бросился на берег.

Бог весть сколько времени Чжао-гэр простоял под ливнем. Губы его посинели от холода, несмотря на летнюю пору, а на одежде и штанинах виднелись пятна грязи, которые дождь ещё не успел смыть. Судя по всему, непогода застала его не в городе, а в пути. А может, он и вовсе выбежал из дома, когда уже лило как из ведра, и не раз упал по дороге — иначе откуда бы взялась этой грязи, въевшейся в ткань.

— Зачем ты пришёл? Совсем голову потерял? Ливень же стеной, неужели нельзя было укрыться где-нибудь?!

Чжао-гэр, как и прежде, лишь вцепился в его рукав и, понутив голову, не проронил ни слова. Он выглядел таким жалким и беззащитным, что все гневные слова Цзычэнь застряли у него в горле.

— Пойдём скорее на судно.

Увидев, что Цзычэнь ведёт промокшего до нитки супруга, управляющий распорядился, чтобы кухарка помогла им переодеться. Семья женщины жила прямо на судне, и у неё нашлась подходящая одежда. Когда Фан переоделся, она принесла две чашки горячего имбирного отвара.

Он поблагодарил её.

Чжао-гэр, словно напроказивший ребёнок, сидел на краю лавки, не смея поднять глаз.

— Пей, а то заболеешь, — велел Цзычэнь.

Гэр не шелохнулся. Юноша едва не рассмеялся от досады:

— Ну и что теперь? Мне тебя с ложечки кормить? А ну, живо пей!

Тот по-прежнему не двигался. Обычно послушный и кроткий, сегодня он проявлял какое-то необъяснимое упрямство. Когда Цзычэнь брал его за руку, кожа гэра была ледяной, словно её долго держали в проруби. В эти времена любая простуда могла обернуться бедой.

Вздыхнув, Фан присел рядом и тихо спросил:

— Ну что с тобой такое?

Чжао-гэр долго молчал, прежде чем прошептать пересохшими губами:

— Я не глупый.

Голос его был хриплым, будто он разучился говорить. Цзычэню сейчас хотелось только одного — успокоить его.

— Конечно, не глупый. Ты — моё сокровище, мой предок, — мягко проговорил он.

Гэр плотно сжал губы. Цзычэнь взял чашку с отваром, подул на ложку и поднёс к его рту:

— О великий предок, Сяо Фанцзы прислуживает вам. Не окажете ли честь, пригубив хоть немного?

Чжао-гэр наконец открыл рот и сделал глоток.

— Ты тоже выпей, — пробормотал он. Его лицо слегка порозовело от такой заботы. — Я... я могу сам.

Когда чашки опустели, юноша серьёзно спросил:

— Так почему ты вдруг сорвался в город?

Утром, когда супруг готовил ему лапшу, всё было хорошо. Цзычэнь никак не мог взять в толк, что же такого стряслось, раз тот бросился в путь под дождём.

— Неужели так сильно соскучился?

— Да.

Фан опешил. Чжао-гэр признал это так просто? Заметив, что тот выглядит неважно, он хотел лишь подразнить его, разрядить обстановку, а в ответ получил такую обезоруживающую искренность.

Кожа Цзычэня была толще городской стены, он привык к нравам своего времени, но в этот миг ему стало по-настоящему неловко.

— И всё же... нельзя же так бежать. А если бы что случилось? Ты подумал, как бы мы с Гуай-цзаем жили — оставил бы меня вдовцом, а малыша сиротой?

Чжао-гэр и сам понимал, что поступил безрассудно. Когда он вернулся от тётушки Лю и остался в пустом дворе, на него внезапно накатила такая тоска, что потребность увидеть Цзычэня стала невыносимой. Слова тётушки лишили его покоя. Он бежал всю дорогу; грязь под ногами разъезжалась, он падал, поднимался и снова бежал.

На пристани никого не было, но он знал: муж там, на корабле. Даже не видя его, гэр чувствовал себя в безопасности от одной мысли, что Цзычэнь совсем рядом. Теперь же, согревшись, он осознавал свою глупость.

— Прости, — тихо извинился он.

Цзычэнь только вздохнул. Ругать не поднималась рука, а спорить было бесполезно. И впрямь — живой предок, которого остаётся только лелеять.

— Чтобы в последний раз... — начал было он, но вдруг осёкся. С самого начала его что-то тревожило, какая-то ускользающая мысль, и только сейчас он понял, в чём дело.

— А где Гуай-цзай?!

Чжао-гэр втянул голову в плечи, пряча подбородок в воротнике:

— Наверное... у тётушки Лю остался.

Фан Цзычэнь лишился дара речи.

— «Наверное»?! — возмутился он. — И ещё это «наверное» в конце!